
Нашы лаўрэаты

А.И. ЗЕЛЕНКОВ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС ТРАДИЦИЙ И ИХ РОЛЬ В ДИНАМИКЕ НАУКИ

Для современной философии науки характерна установка на исследование ценностных, социокультурных факторов научного познания и синтез методологических, исторических, психологических и других аспектов научно-познавательной деятельности. Будучи погруженной в систему культуры, наука обретает очевидную мировоззренческую размерность и вопрос о целях и смысле научного творчества выдвигается в число наиболее важных проблем современных науковедческих исследований. И если раньше философия науки рассматривалась и зачастую оценивалась как признак некой интеллектуальной респектабельности, то сегодня она становится одним из необходимых условий адекватного ответа на вопрос о стратегических приоритетах развития современной науки. Эта констатация становится общепринятым утверждением в профессиональном сообществе и даже представители аналитическо-позитивистской традиции в исследовании феномена научного познания все более определенно высказываются за включение аксиологических компонентов в структуру методологии и философии науки. Один из авторитетных представителей этой традиции современный американский методолог науки Ларри Лаудан отмечает, что "теория научного прогресса нуждается в предметном расширении за счет включения в нее аксиологической проблематики науки, в рамках которой будет осуществлен дифференцированный качественный анализ целей познания"¹.

Фундаментальные аксиологические установки культуры выступают в функции "моделирующих систем" науки, предписывают ей формы и эталоны теоретического освоения реальности и наиболее общие схемы видения мира. Они также формируют тот социокультурный фон, в который погружены метатеоретические основания научного поиска и в котором содержатся важнейшие предпосылки их преемственности и единства. В совокупности этих предпосылок особое место занимают культурные традиции как специфический класс императивов научного мышления.

Проблема статуса культурных традиций, их содержательных и функциональных особенностей становится в последние годы одной из наиболее активно обсуждаемых в различных гуманитарных дисциплинах. Необходимость более глубокого объяснения феномена традиций определяется многими причинами, но, безусловно, важнейшая из них заключается в сущностной характеристике современной эпохи с ее беспрецедентным динамизмом и релятивностью фундаментальных социокультурных оснований. В условиях, когда научные и технологические инновации погружают человека в поток постоянных изменений и преобразований, чрезвычайно важно сохранить устойчивую связь с прошлым социально-историческим опытом человечества, вне которого невозможно определить магистральное направление общественного развития и его субстанциональный смысл.

Культурные традиции как специфический для общественной жизни механизм аккумуляции и передачи социально-исторического опыта людей возникают и конституируются в виде своеобразной формы стабилизации развития, освоения его результатов в процессе коллективного творчества. Вне традиций нет социальной памяти и, следовательно, девальвируется чувство ответственности перед лицом прошлого, жизнь превращается в бессмысленный поток инноваций, отчуждающий человека не только от истории, но и от будущего. Традиция является, следовательно, важнейшим гомеостатическим механизмом культуры, который приводит на смену биогенетическим формам наследования и эффективно обеспечивает адаптацию человека в условиях изменяющейся природной и социальной среды.

Специфика культурных традиций в системе аксиологических установок деятельности весьма отчетливо проявляется в их двойственной природе. С одной стороны, традиция представляет собой особую форму трансляции социально-значимого опыта от одного поколения к другому. Она выступает в функции некоего формального алгоритма воспроизведения принятых социумом программ деятельности и важнейших ценностей культуры. С другой - традиция должна быть рассмотрена как выражение и знаковая фиксация самих этих ценностей и норм.

Вплоть до начала XX века термин "традиция" рассматривался по меньшей мере в трех относительно автономных значениях. Во-первых, как акт передачи права владения каким-либо имуществом от одного лица другому. Во-вторых, под традицией понимался устный способ закрепления и передачи от поколения к поколению некоторой важной информации. В-третьих, речь шла о вероисповедной традиции, например: католической, протестантской, православной. Чаще всего данное понятие ассоциировалось с мифом, религией, бытовыми обрядами и вообще с архаическими способами культурного наследования. Поэтому традиция осознавалась как нечто, противостоящее науке, философии, творчеству, новациям. Естественно, что такие семантические акценты исключали возможность исследования роли и функций культурных традиций в развитии рационального познания.

В последние десятилетия отчетливо проявилась тенденция приложения этого термина к самым различным сферам жизни общества. Его значение существенно расширилось и уже не исчерпывается фиксацией только архаических способов культурного наследования, исключаящих творчество и социальные преобразования.

Безусловно, репродуктивный потенциал традиции составляет важнейшую и существенную ее характеристику, вне которой традиция утрачивает свои стабилизирующие и гомеостатические функции. Процесс социокультурной динамики приобрел бы характер перманентного отрицания и разрушения любых устойчивых образований в сфере экономики, культуры, идеологии, если бы он не регулировался традицией, выдвигающей разумные регламентации деятельности и адаптирующей ее результаты в рамках сложившихся социальных структур. Однако наличие момента инвариантности и стабилизации в механизме традиции еще не дает оснований для ее отождествления с консервативным началом в общественном развитии. Анализ проблемы традиций, осуществленный в философско-социологической литературе 70–90-х годов, способствовал глубокому уяснению данного обстоятельства и позволил преодолеть обыденное представление о традициях и их взаимосвязи с социальными нововведениями. В работах Ю.В. Бромлея, В.Б. Власовой, Э.С. Маркаряна, А.И. Першица, В.Д. Плахова, Э.В. Соколова и др. обосновывается необходимость более широкого понимания традиций и диалектического их соотношения с инновационными процессами в культуре. Жесткая дихотомия "традиция – новация" оценивается в этих работах как явно неадекватная форма отражения социокультурной динамики и механизмов ее осуществления.

Подчеркивая момент органической связи традиций и инноваций, нельзя, конечно, упрощенно и абстрактно трактовать эту связь и размывать содержательно-смысловые границы между данными понятиями. Каждое из них обладает вполне суверенным содержанием и отражает специфический механизм целостного процесса развития. Безусловно, вне традиций не может осуществляться прогрессивное изменение общества. Но это означает лишь то, что традиция выступает необходимой социальной базой для инноваций, является их

имманентной предпосылкой. С другой стороны, любая новация приобретает реальный смысл и значение в истории культуры только в том случае, если она войдет в традицию и станет необходимым элементом социально-исторического опыта.

Представляется, что необходимо достаточно четко дифференцировать содержание традиции и ее формальные компоненты, т.е. те механизмы, посредством которых она реализуется.

Содержательной стороны культурная традиция представляет собой совокупность основных доминантных ценностей конкретно-исторического типа культуры, которые транслируются в новые формы социальности. Однако не раскрыв специфики и форм этой трансляции, мы лишаем себя возможности зафиксировать отличительные характеристики традиции как уникального механизма воспроизводства норм и ценностей. На этот важный аспект обращается особое внимание в работах Гадамера, Гессе и др.² Специфика традиции как формы сохранения духовных ценностей и актуализации их в новых социальных условиях определяется формальным алгоритмом связи между старым и новым, который сущностно характеризует традицию. Она — не просто элемент социокультурного наследия, передающийся от поколения к поколению, а определенный тип передачи этого наследия. Таким образом, взятая в единстве своих формальных и содержательных моментов данная категория может быть определена следующим образом: традиция есть особый тип отношения между последовательными стадиями развивающейся социальной системы, при котором на новом уровне бытия этой системы стереотипно и инвариантно воспроизводятся структурные и функциональные характеристики ее предшествующего уровня. Именно поэтому традиция воплощает в себе репродуктивное начало, выступает своеобразной формой исторической преемственности в развитии социокультурных систем.

Более полная характеристика традиции, ее места и роли в развитии общества, а также взаимосвязи с инновационными процессами в культуре предполагает описание и раскрытие ее важнейших функций. Современные исследователи справедливо отмечают факт очевидной полифункциональности культурных традиций. Они выступают формой фиксации и передачи социально значимого опыта и образцов деятельности, выполняют ценностно-ориентационные функции, являются базой для инноваций, гомеостатическим механизмом в развитии общества и его культуры, эффективным средством социализации личности и конституирования социума.

С определенной долей условности все многообразие функций традиций можно свести к двум основным и определяющим: 1) функция социальной стабилизации и преемственности в общественной жизнедеятельности; 2) функция необходимых условий и предпосылок для успешного осуществления инноваций.

Анализ этих функций культурных традиций применительно к специфике научно-познавательной деятельности позволяет осуществить комплексное и дифференцированное исследование конкретных форм взаимосвязи преемственности и отрицания в динамике науки как социокультурного образования.

Рассматривая эту комплексную проблему в первом приближении, имеет смысл выделить две основные методологические функции культурной традиции: 1) селективно-стабилизирующую и 2) нормативно-эвристическую. В них соответствующим образом конкретизируются базовые социальные функции.

Сущность первой состоит в том, что культурная традиция определяет выбор оптимальной стратегии развития науки и санкционирует интеграцию новых теоретических знаний в культуру эпохи. Как правило, эта ее функция обнаруживается в ситуациях, когда новые научные результаты становятся причиной существенного изменения философско-мировоззренческих установок либо активно осваиваются социальной практикой и производством.

Вторая функция культурной традиции по отношению к науке состоит в том, что транслируемые ею ценностные установки используются как предпосылка, социокультурная программа научного поиска. В данном случае она стимулирует интеллектуальные нововведения, способствует генерации новых научных результатов в рамках фиксированной парадигмы мышления.

Указанные функции культурной традиции по-разному проявляются в различные периоды развития науки. Весьма специфично они обнаруживаются в

эпоху генезиса классического естествознания и оформления его основных логико-методологических нормативов.

В эпоху глобальной революции, связанной с генезисом экспериментальной науки Нового времени, традиция выступает не только фактором культурной стабилизации, но и выполняет функции метатеоретических предпосылок, стимулирующих появление новых научных знаний. Объясняется это как спецификой информационного поля культуры данной эпохи, значительной вариабельностью ее ценностных оснований, так и неразвитостью собственно методологического компонента науки в период ее становления и институализации.

Весьма своеобразно эта бифункциональность культурной традиции проявилась, например, в процессе обоснования Н.Коперником гелиоцентрической картины мира. Хорошо известно, что опубликованная в 1543 году книга Коперника "О вращениях небесных сфер" сыграла выдающуюся роль не только в создании новой космологии, но и в развитии принципиально новой философской модели мира, радикально отличной от традиционных схоластических представлений. Поэтому сам Коперник называл созданное им учение философией.

Существенно иная ситуация складывается в современном научном познании, когда высокого уровня достигает методологическая рефлексия над наукой и происходит своеобразное разделение селективно-стабилизирующих и нормативно-эвристических функций культурной традиции. В этих условиях механизмы порождения нового научного знания исследуются уже в сфере методологического анализа науки с помощью специально разработанного языка и познавательных средств. Соответственно непосредственной задачей культурной традиции становится реализация селективно-стабилизирующих функций.

Это обстоятельство стимулирует формирование и развитие методологического сознания, которое становится неотъемлемым компонентом в структуре современного научного поиска.

В сфере общенаучной методологии оформляется особая исследовательская традиция, ориентирующая ученого на непрерывное продуцирование новых знаний и отрицание сложившихся стереотипов мышления. Она представляет собой совокупность метатеоретических оснований науки, выраженных в виде специальных норм и регулятивов научного исследования, для которых характерен прежде всего дух новаторства и перманентного познавательного прогресса, связанного с критикой и отрицанием наличного знания. Исследовательская традиция требует от ученого обязательного соблюдения норм обоснованного скептицизма и всесторонней проверки новой научной информации. В соответствии с этими нормами теоретические системы рассматриваются как исторический продукт, который с необходимостью должен уступить место более адекватной теории в процессе расширения предметной области познания.

Становление и развитие специальной методологической рефлексии над механизмами роста научного знания, безусловно, способствовали превращению науки в один из самых динамичных компонентов современной культуры. К 60-м годам XX столетия по всем трем основным составляющим: 1) научной информации, 2) числу профессионально занятых в науке и 3) инвестициям, отпущаемым на ее развитие, — наука становится самым динамичным социальным институтом.

Таким образом, для методологического анализа науки весьма характерной является ориентация на максимально эффективное выполнение нормативно-эвристических функций в научном познании и, соответственно, ускорение темпов развития знаний. В контексте данной ориентации постоянный и динамичный рост науки нередко интерпретируется как некая самодостаточная ценность, инвариантно выступающая фактором общественного прогресса и социальной стабилизации. Такая аксиологическая установка предполагает вполне определенный акцент на дальнейшую интенсификацию роста научных знаний подчас безотносительно к тем социальным целям, ради достижения которых осуществляется этот рост. Необходимым следствием подобной ориентации выступает недооценка роли стабилизирующих механизмов развития науки, неоправданная абсолютизация функций и значения революционных этапов в ее динамике.

Однако развитие науки в последние десятилетия, интенсивность и характер ее технологических приложений заставляют серьезно усомниться в правомерности такой однозначной ценностно-методологической ориентации. Сегодня

трудно не согласиться со следующим замечанием А.Печчеи: "Суть проблемы, которая стала перед человечеством на нынешней стадии его эволюции, заключается именно в том, что люди не успевают адаптировать свою культуру в соответствии с теми изменениями, которые сами же вносят в этот мир..." Именно поэтому так актуальна сегодня задача всестороннего обоснования и реализации стратегии устойчивого развития, ориентированного на социокультурную и экологическую стабилизацию мировой динамики⁵.

В современной реальности с характерными для нее экспоненциальными темпами роста во всех важнейших сферах жизнедеятельности общества важно не столько произвести новое знание, сколько вписать его в культуру, сделать условием эффективной адаптации человека в динамично меняющемся мире. Именно в контексте этого важнейшего обстоятельства необходимо рассматривать место и роль культурных традиций в современном научном познании.

В условиях, когда функции эвристико-методологического обеспечения научного поиска выполняются с помощью специально разработанных понятий и категорий, непосредственной задачей культурной традиции становится реализация селективно-стабилизирующих функций. Можно выделить две наиболее типичные ситуации в этом случае. Когда имеется несколько конкурирующих между собой исследовательских традиций, являющихся инструментально и операционально эквивалентными, срабатывает селективная функция культурной традиции и предпочтение отдается той стратегии развития науки, которая в большей мере соответствует доминантным ценностям и социокультурным установкам эпохи. Однако несомненно больший интерес представляет вторая ситуация, когда новые научные результаты существенно противоречат господствующей культурной традиции и, следовательно, способствуют разрушению сложившихся в обществе ценностных ориентаций и стереотипов поведения. В данном случае срабатывает прежде всего формальный механизм традиции как специфического типа воспроизводства и утверждения ценностных установок культуры, наиболее рельефно проявляются ее стабилизирующие функции. В таких экстремальных ситуациях интеграция нового научного знания и освоение его в производственной и социальной деятельности существенно затрудняются. Именно этой "консервативностью" культурной традиции можно рационально объяснить так называемый феномен "преждевременных" научных открытий и наличие в истории науки удивительных примеров интеллектуального подвижничества, самозабвенного служения идеалам истины и творчества.

Известная консервативность традиций по отношению к новым научным идеям и концепциям неоднократно отмечалась многими выдающимися учеными. Так, еще Д.И. Менделеев писал, что наука "есть достоинство общее, а потому справедливость требует не тому отдать наибольшую научную славу, кто первый высказал известную истину, а тому, кто сумел убедить в ней других, показал ее достоверность и сделал применимой в науке"⁶. А.Пуанкаре также подчеркивал, что "истинная наука избегает скороспелых обобщений и теоретических выводов... она противоположна тому научному снобизму, который так легко надуть нововведениями... поэтому нужно критиковать традиции, а не уничтожать их"⁷. М.Планк сформулировал даже так называемое "правило Планка", согласно которому "новые научные истины побеждают не так, что их противников убеждают и они признают свою неправоту, а большей частью так, что противники эти постепенно вымирают, а подрастающее поколение усваивает истину сразу"⁸.

Тезис о наличии достаточно эффективных механизмов регламентации научного развития, которые проявляются через стабилизирующие функции культурных традиций, подтверждается и при рассмотрении самых современных направлений научных исследований. В последние десятилетия самосознание науки и ее взаимосвязи с широким социальным окружением все отчетливее приобретают форму нравственного контроля над научными разработками и обоснования различных кодексов этики ученого. Оказавшись интегрированной в сложной иерархии социальных институтов, современная "большая наука" не могла не разделить с ними ту систему ценностей, на основе которых существуют и развиваются данные институты. Эта социокультурная ангажированность науки, бесспорно, актуализирует проблему этического регулирования практики научных исследований. Так, по мнению известного социолога науки Я.Митрофа, "нам еще предстоит понять, как создать ту разновидность науки, которая

позволила бы осуществить нравственный закон в нас. Если же это не удастся, мы останемся интеллектуальными гигантами, но моральными карликами¹³.

Анализ социокультурных механизмов динамики науки позволяет сделать вывод, что традиции реализуют в научно-познавательной деятельности как репродуктивные и стабилизирующие, так и инновационные функции, способствующие в определенных социальных условиях интенсификации роста научных знаний и их успешному технологическому освоению. Гармоничная структура научного прогресса, предполагающая диалектическое единство преемственности и кардинальных новаций в развитии познания, может быть обеспечена только при условии оптимального сочетания этих ценностных установок культуры, их сбалансированного взаимодействия в процессе генерации новых теоретических знаний и их последующего использования в различных подсистемах общества. Это означает, что продуктивность и социальный эффект науки будут в значительной мере определяться тем, насколько полно и корректно удастся ассимилировать различные по своим функциональным характеристикам ценностные компоненты культуры в методологических программах развития научного знания. Именно такой подход позволяет сохранить идеалы рационально-теоретического познания мира, представить научный прогресс как одну из фундаментальных ценностей современной культуры и цивилизации.

1. Laudan L. // American Philosophical Quarterly. 1987. V.24. №1. P.29.

2. См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988; Гессе Г. Игра в бисер // Собр. соч.: В 8 т. М.: Харьков, 1994.

3. См.: Коперник Н. О вращениях небесных сфер. М., 1964. С.14.

4. Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С.14.

5. См.: Taking Nature into Account: A report to the Ciub of Rome. New York, 1995. №4.

6. Менделеев Д.И. Основы химии, Т.1. М.; Л., 1931. С.245–246.

7. Пуанкаре А. О науке. М., 1983. С.514.

8. Планк Макс: Сборник к столетию со дня рождения (1858–1958). М., 1958. С.21.

9. Mitroff J. The Subjective Side of Science. Amsterdam, 1974, P.270.